



Галина  
Асташина

ДОЧЬ  
ПРОГРАММИСТА

Повести и рассказы

Галина Асташина  
**Дочь программиста**

«Издательские решения»

**Асташина Г. М.**

Дочь программиста / Г. М. Асташина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904190-6

В сборник вошли повесть и рассказы о любви, исканиях, стремлениях наших современников. Трагизм событий уравнивается дружбой, взаимопомощью и пониманием людей разных поколений. События во всех произведениях происходили в действительности — сама жизнь двигала моими героями. Судьба некоторых героев удивляет, других — разочаровывает. Но автор искренне верит, что Зло и Рок не сумеют победить и последнее слово всегда останется за Добром и Любовью.

ISBN 978-5-44-904190-6

© Асташина Г. М.  
© Издательские решения

# Содержание

Дочь программиста	6
Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Дочь программиста

**Галина Михайловна Асташина**

*Дизайнер обложки* Вера Филатова

© Галина Михайловна Асташина, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4190-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Дочь программиста



## Часть I

### Глава 1

Ей было пятнадцать, когда случилось несчастье. Оля не помнила, как и что произошло: ее просто выбросило из машины и она потеряла сознание. К счастью, ей не пришлось видеть, как мгновенно машина была охвачена огнем и как погибли самые любимые ее люди – отец с мамой. Но судьбе той трагедии было мало: после катастрофы девочка перенесла несколько операций, долго находилась в реанимации, а затем обнаружилось, что она стала сильно хромать. Искалеченная нога «высохла» и стала короче. Врачи планировали сделать еще ряд операций, но консилиум отложил все на неопределенное время, так как специалисты беспокоились о психическом состоянии подростка: по ночам она рыдала, звала родителей, ей постоянно снились кошмары. Боли во всем теле не давали уснуть. А утром Ольга замыкалась и ни с кем не разговаривала. Из жизнерадостного, полного сил и энергией подростка она превращалась в безразличную ко всему маленькую старушку. Под глазами появились черные круги. От удара лицо покрылось ссадинами, некогда пушистые каштановые, с золотистым оттенком, волосы лежали, как пакли, расчесывать их было невозможно: любое прикосновение к голове причиняло нестерпимую боль.

Через некоторое время нашлась единственная родственница девочки, родная сестра ее матери. Эта одинокая женщина тихо проживала в стареньком деревянном доме в дачном поселке недалеко от Москвы. Узнав о случившемся, тетя сутками дежурила у постели больной, а когда Ольге было совсем худо, кормила, поила и нянчила ее, будто ухаживала за собственной дочкой. После больницы Полина Ивановна твердо решила взять Ольгу к себе: «Сиротинушка ты моя, кому ты теперь нужна!? Только и осталась у тебя из родных одна тетка».

\*\*\*

Полина Ивановна не знала замужней жизни, покладистая, добродушная, неспешная, она привыкла жить одна и не тяготилась своим одиночеством. В поселке у нее было много друзей и знакомых: она знала в лицо почти всех жителей, и при встрече со знакомыми ее лицо озаряла добрая улыбка. С годами она располнела, но это ее не тяготило, так как на здоровье она никогда не жаловалась. Появились вокруг глаз морщинки – не беда! Седина, считала она, «серебряный подарок времени», поэтому белесые пряди ее никак не смущали. Замуж Полина Ивановна так и не вышла: в молодости она полюбила одного паренька из их поселка, они долго встречались. Она ждала его из армии, строила планы, мечтала о детях и счастливой жизни с любимым. И когда он вернулся, каждый час она ждала его одного, ждала, что он вот-вот придет к ней с букетом цветов, чтобы посвататься. Но, к удивлению многих, он посватался, но не к ней, а к ее подруге, которую Полина считала самой родной и самой близкой. Ничего! И такое в жизни бывает: она перенесла и эту боль. Никому не жаловалась, в подушку не рыдала, но и полюбить никого больше не смогла.

Самыми долгожданными и радостными днями для Полины Ивановны были те, когда она ждала в гости своих родных – сестру с мужем и племянницу. Хлопотать она начинала с самого утра: варила холодец, придумывала необыкновенные салаты, пекла любимые всеми пирожки. После готовки тщательно убиралась, успевала протереть окна, во всех углах и на полочках ставила цветы – свои, необыкновенной красоты, из любимого сада. И нетерпеливо посматривала на часы.

Оленьку она помнила с самого первого дня ее рождения, так как встречать сестру из роддома пришлось ей: муж сестры, известный, очень талантливый и ценимый в определенных

кругах программист, вылетел в срочную командировку. И каждое лето, на каникулах, когда тетя Полина вышла на пенсию, девочка жила с ней в стареньком, но очень уютном домике, окруженном прекрасным садом, полным необыкновенными цветами.

Небольшой дачный поселок утопал в садах, а рядом с ним раскинулся лес. Если идти по лесу, прямо по тропинке, можно выйти к каналу им. Москвы. Москвичи любили эти места, и на канале летом не хватало места для всех отдыхающих. Обе любили природу, ходили по грибы, собирали ягоды – вместе им было хорошо. Тетя не могла нарадоваться на девочку: та была очень сообразительной, отлично училась, родителям лишних забот с ней не было. И характер у Ольги был легкий, веселый – она любила шутки, ценила юмор. В этом году племянница закончила девять классов. Да как еще – на одни пятерки!

И на тебе, такая беда, такое горе! Что может быть страшнее, чем потерять родителей? – Ничего. Всю не истраченную любовь Полина Ивановна готова была отдать единственной родной душе, своей Оленьке.

\*\*\*

Полина Ивановна больше всего на свете любила читать на ночь исторические романы, где с злодеями сражались рыцари, прекрасные дамы ждали своих возлюбленных – и добро всегда побеждало зло. Вместо библии на ночной тумбочке всегда лежали афоризмы великих людей, там она делала свои пометки и подчеркивала мысли, которые были близки ее натуре и душе. И уже перед самым сном Полина Ивановна не забывала перелистать книги по цветоводству. Ее сад—огород был предметом зависти для многих дачников: тщательно подбирая семена, она так красиво умела расположить цветы, что ее клумбы и кусты были похожи на красивые персидские ковры, а посыпанные песочком дорожки мягко оттеняли эту красоту... Мало того, она загорелась желанием сделать в саду беседку, чтобы в летний зной было где попить чайку и отдохнуть. Но все не решалась, стесняясь просить нового соседа, так как лишних денег у нее не водилось. Брать у кого-то в долг она не привыкла, да и не любила быть кому-то обязанной.

За доброту и сердечность жители поселка любили и уважали Полину Ивановну, тепло называя ее «наша Полинушка».

## Глава 2

Новый сосед, купивший по случаю недорогой домик, такой же старенький, как у Полины Ивановны, и такой же изношенный, с покосившимся забором и массой недоделок, по соседству с ней, в своей соседке души не чаял. Иван Петрович, бывший офицер, вышедший в отставку, еще полный сил и здоровья, славился на весь поселок умелыми руками, начитанностью и приветливым нравом. Он все мог починить: и электричество, и сантехнику, перестелить полы и наладить рамы, – одним словом, Мастер! Один перестроил купленный домишко, да так, что никто из старожилов не узнавал в новом доме старое деревянное жилище – настоящий немецкий двухэтажный дом стал гордостью всего поселка. Много стекла, добротные и красивые ставни, да и дом подрос – теперь он стал двухэтажным, с мезонином. Красивая черепичная крыша, отделка панелей, как в европейских домах, крестообразные рейки делали его похожим на своих зарубежных братьев.

Свой старенький «Москвич» Иван Петрович разбирал вслепую. Мужчины не стеснялись обращаться к нему за помощью и консультацией. Он никому не отказывал, объяснял четко, доходчиво и просто. Только с пьяными не общался. Иван Петрович не любил пьющих людей, и сам выпивал только по великим праздникам, считая, что пьющие теряют в жизни основное – саму жизнь.

Недавно овдовев, ему, конечно, было одиноко в перестроенном доме. Поэтому вечера, проведенные с милой соседкой, ему нравились все больше, и, в конце концов, стали необходимы как воздух. Иван Петрович с большим мастерством рассказывал о тех местах, где служил, куда забрасывала его судьба, о забавных случаях на службе, любил поговорить о природе и животных, о повадках последних. Но более всего он любил пересказывать прочитанное, то, что его задело за живое, что удивило и поразило. А читал он очень много. Литературный вкус он заимствовал от своего отца, который всю жизнь собирал книги. Ивану от отца досталась большая разнообразная библиотека. Как и отец, Иван Петрович любил свое свободное время проводить в букинистических магазинах, на книжных развалах, недалеко от рынков; он был своим человеком на Кузнецком мосту, в магазине «Подписные издания». Там всегда собиралась «читающая» Москва, спорили, обменивались мнениями о прочитанном, заводили хороших друзей и единомышленников. Заслушивались Ивана Петровича и приятельницы Полины Ивановны. Обладая необыкновенным тактом и обаянием, он умел красиво ухаживать за женщинами, умел вовремя сказать комплимент, похвалить обновку. И не было равному ему в умении как-то по—особому заваривать чай. Он специально ездил за ним в Москву, – то ли на Сретенку, то ли на Кирова – в специализированный магазин. А к чаю, как положено, всегда привозились гостинцы: печенье, конфеты, пирожные. Ближе к ночи Иван Петрович галантно раскланивался и шел к себе, на покой, в еще не достроенную новую дачу.

А приятельницы оставались у Полины и делились с ней последними новостями, домашними тайнами и горестями. Весть о том, что у Полины Ивановны случилось большое горе, что погибли ее самые близкие родственники, что племянница осталась сиротой, моментально облетела весь дачный поселок. Соседи жалели Полинуську, сочувствовали, помогали добрыми словами.

\*\*\*

Приближалась осень. Однако погода стояла, на удивление, теплая, как летом, только с деревьев все чаще слетали листья, и трава в саду потихоньку меняла свой цвет. Но бабье лето в том году Полинуську не радовало: последний визит в клинику совершенно расстроил ее: после общих рекомендаций врач сообщил ей нечто, что у Полины Ивановны внезапно поднялось давление и защемило сердце, а внутри затряслись все поджилки. Прогноз для Ольги был неутешительный, хуже того, практически безнадежный. Правда, в конце разговора врач сказал: «Голубушка, не надо так себя распускать – держитесь. Вы теперь опекунша девочки, – мать и отец в одном лице, а то что произошло ...ну что тут скажешь... все мы под богом ходим – может, и обойдется. Такие случаи в онкологии есть, хотя не много. Ольга еще молода, организм в развитии, должен бороться, на вид она крепкая девушка. Вы не смотрите, что она плохо выглядит, это естественно. Страшный удар, много операций, облучение и не одно и, наконец, потеря родителей – все вместе чрезвычайно большой стресс. Не каждый взрослый все это выдержит. Но я думаю, что внутренние силы у нее есть, организм будет перестраиваться, и болезнь, возможно, отпустит девочку. Правда, не обольщайтесь: чудеса случаются, но очень редко. Через неделю—другую приезжайте за своей племянницей. Все, что только возможно, что было в наших силах, мы сделали. Сейчас все зависит от самой девушки. Главное – ее спокойствие, хорошее питание, упражнения для ног, которые я рекомендовал, и, безусловно, лекарства. Строго по назначению – не пропускать ни одного дня. А о том, что я вам сказал, думайте поменьше. И ни слова Оле. Ни намек – волновать ее нельзя. Когда назначен следующий курс химиотерапии, написано в карте. Берегите ее от любых болячек, и как немного окрепнет, – прошу снова к нам.

Сын Ивана Петровича, Павел, дачи не любил, к природе был равнодушен, к строительству нового дома относился скептически, потому в поселке его практически никто не знал. (Полина Ивановна удивлялась: отец такой приятный человек, а сын почему-то не приезжает к нему, странно это как-то, не по-людски, даже не поможет отцу с домом, не навестит его – ей богу, как чужие. Но эти мысли она держала при себе, и никогда о сыне Ивана Петровича не спрашивала). Закончив мединститут, а затем ординатуру, поработав в одной из районных больниц несколько лет терапевтом, а в другой – помощником хирурга, Павел, пришел к важному для себя выводу: карьера простого врача в любой больнице или поликлинике – не для него, она абсолютно его не устраивает.

Он жаловался отцу: «Больных много, а денег мало. Вот, скажи, зачем я учился столько лет? Чтобы получать как подачку жалкие деньги за одну ставку? А если работать на полторы – ноги протянешь. Нет, не могу видеть больше эти проклятые койки, вонючие „утки“, жалких больных, которые подобострастно заглядывают тебе в глаза, думая, что ты то ли бог, то ли пророк, что ты всесилен. Оборудование в больницах старое, ветхое, плохое. Не хватает элементарных средств, нет нужных лекарств. Нет, отец, не о том я мечтал. А хирургия вообще швах. Меня выворачивает от гноя и крови. И почему я не бросил все еще на втором курсе! Если бы ты знал, как я жалею! Как я сейчас жалею!»

Отец сочувственно слушал эти откровения, но молчал, жалко было сына, но он не знал, как ему помочь.

Павел давно мечтал быть солидным служащим, сидеть в отдельном кабинете, с несколькими телефонами, личной секретаршей, неважно, пусть даже на ниве здравоохранения. «Действительно, столько отучиться, а на деле столько лет похоронить. И все коту под хвост! Может, кто и презирает чиновников, но не я». Тем более что в голове давно вызревал план, но для его осуществления Павлу надо было поступить на курсы при Минздраве, чтобы получить новую специализацию. А поступить туда можно было только по великому благу. Всю свою энергию он направил на поиск нужных людей – и получилось. Помог бывший однокурсник, у которого был влиятельный родственник, занимавший хорошую должность в этом министерстве. Но просто так такие дела не решались – надо было дать взятку. Однокурсник предложил посидеть в «Праге», – естественно за счет Павла, – и там уже определить совместно, какая сумма будет достаточной для приличной взятки. Решили – сделали. В ресторане все обговорили. Определенный процент был обещан сокурснику. Деньги Павел решил взять у отца. Благо, у того были облигации «золотого займа», которые несколько лет пылились, хранясь в отцовской тумбочке.

Организация и управление здравоохранением! – как красиво и солидно звучит. Это именно то, о чем он мечтал. Павел хотел сделать карьеру – и курсы видел первой ступенькой к ней. Учился он легко, прилежно, не пропускал ни одного занятия. Слушателям курсов не полагались материальные поощрения, так как считалось, что ими являются только специалисты, работающие в больницах и клиниках. Павла это не смущало: справкой с работы он запасся заранее. Военной пенсии отца хватало, и отец даже не догадывался, что Павел не работает, а где-то учится. Правда, жил Павел в это время скромно: у отца ничего не просил, лишних покупок не делал.

У Павла была исключительная особенность: он удивительно быстро и легко сходился с людьми, был легок в общении, его обаятельная внешность, внешняя солидность и внутренняя культура способствовали тому, что, даже учась на курсах, он был знаком почти со всем профессорским составом. Он часто повторял кем-то сказанную поговорку: «Хороших людей – много, а вот полезных – мало». Для него эти слова стали внутренним стержнем, принципом жизни.

\*\*\*

Годы летели как день. Курсы были позади, это был уже пройденный этап, а впереди – широкие горизонты и масса всяких возможностей. Павел сразу же по окончании курсов получил назначение: инспектором министерства здравоохранения. Он должен был размещать в столице больных, которые приезжали в Москву со всего Союза, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь. Кому-то нужна была только консультация, кто-то приехал с направлением на лечение. Но просто лечь в хорошую московскую клинику, с современным импортным оборудованием и специалистами высокого уровня, было чрезвычайно трудно. Функции инспектора и сводились к тому, чтобы оперативно помочь больным обустроиться в столице, договориться со специалистами, с главными врачами лечебных учреждений о приеме больных по направлению.

Но ни одна живая душа не подозревала и не догадывалась, что этот прохвост все предусмотрел и просчитал: он сразу понял, что новая работа – золотая жила. Наивные пациенты, считал он, сами будут молить его о помощи, и за свою непосредственные обязанности, за свою работу он будет получать в несколько раз больше, чем обычный врач. Павел был непросто и далеко не наивен: он прекрасно понимал, что нельзя терять головы, надо быть предельно осторожным, предупреждать клиентов, что в Москве никому доверять нельзя, помилуй бог, кому-то рассказывать, кто и чем помог больному. Своим пациентам лишний раз звонить себе на работу категорически запрещал. Главное, не уставал он себе повторять, – не борзеть! Деньги, которые он планировал получать со своих клиентов, должны быть не обременительны, – к нему не должны быть ни у кого и никаких претензий. В общении с пациентами – ни капли алкоголя. Всегда найдется чей-нибудь любопытный глаз, способный узреть пациента и врача вместе за рюмкой. Отучившись на курсах, он мог смело ставить перед собой конкретные цели: накопить на кооперативную квартиру, обставить ее самой современной мебелью, приобрести дорогую японскую радиоаппаратуру и, наконец, съездить за границу. Правда, для зарубежных вояжей необходим как минимум партийный билет, именно поэтому через полгода на новой работе Павел подал документы для вступления в ряды КПСС.

Уже со второго своего клиента Павел решил, не мешкая, получить хоть какую-никакую компенсацию. Ссылаясь на невероятную занятость, на то, что ему лично надо вникнуть во все тонкости заболевания, он назначал пациенту «свидание—обед» в соседнем с министерством ресторане «Узбекистан», который славился своей вкусной и сравнительно недорогой пищей. И там начинающий мошенник, внимательно рассмотрев документы больного, пообедав за его счет, намекнул, что у того случай редкий, придется ждать. А ожидание может продлиться долго, даже несколько месяцев. И сразу же ненавязчиво предложил единственно приемлемый выход: чтобы не ждать неизвестно сколько, надо чуть-чуть раскошелиться. Кого-то необходимо «подмазать», кого-то обойти, короче говоря, нужны наличные, так как желающих полечиться в Москве – великое множество. И как-то невзначай, почти артистически, намекнул на сумму, которая, по его прикидке, была вовсе не громадной для жителя Киргизии, приехавшего полечить застарелую язву именно в столице.

Этот ловкач сумел так повести беседу с больным, что тот с радостью готов был дать взятку, не подозревая, что Павел Иванович должен был все сделать бесплатно, по службе, что в этом и заключалась его работа.

#### Глава 4

Конечно, отец даже не мог и помыслить, чем занимается его единственный сын. Иван Петрович изредка выбирался в Москву по делам: чаще всего ему нужно было подкупить какие-то инструменты, стройматериалы или что-то, чтобы обновить старый «Москвич». Кроме того, вкуسنенькое к чаю для соседюшки и ее подружек. Он никогда не забывал купить чай, знаме-

нитый индийский чай «Три слона», который по знакомству можно было достать только в фирменном магазине на улице Кирова. И так, в последние визиты в свою квартиру он стал замечать перемены. В последний свой приезд, – а не было его в квартире достаточно долго, – Ивана Петровича очень многое поразило. Прежде всего гардероб. Он ломился от хороших добротных вещей: новые костюмы, импортные рубашки, со вкусом подобранные галстуки и запонки. В трельяже, которым пользовалась покойная жена Ивана Петровича, он увидел несколько больших стопок зеленых долларов. Новеньких. Хрустящих. Отец не стал их пересчитывать. Зачем? Сын сам все объяснит. В глубине ящичка, рядом с деньгами, поблескивая, лежали необыкновенно красивые мужские часы. Не часы, а произведение искусства. Таких часов он никогда и ни у кого не видел: очень тонкий изящный циферблат, покрытый золотом, инкрустированный явно драгоценными камнями, и ко всей этой красоте прилагался широкий золотой браслет. Около часов лежала маленькая книжечка – паспорт к часам. Текст был на английском языке. Вот эту книжечку Иван Петрович внимательно просмотрел и, что сумел, с трудом перевел. А потом увидел на отдельной бумажке – перевод текста. Он читал и удивлялся: итак, ручная сборка. Да только одно это – бешеные деньги. Обещанное в паспорте долголетие часов удивило – максимальная гарантия около пятидесяти лет, золото девяносто второй пробы, настоящие изумруды. Настоящие, не искусственные! Экземпляр, было написано на этом вкладыше к паспорту, изготовлен в Швейцарии ручным способом. Вот это да! Такие часы наверняка носят только маршалы или члены Политбюро.

Иван Петрович был ошеломлен и обескуражен: откуда взялись у сына деньги на все это богатство? Да одни эти часы стоят несколько квартир. В голову ничего путного не лезло. Объяснить себе, откуда вся эта роскошь, Иван Петрович не мог. Но зачем гадать: вот придет Павел и объяснит все. Вероятно, приукрасит или выдумает – правда, явной лжи отец за сыном никогда не замечал. Зачем заранее обвинять человека, даже не выслушав его? В конце концов, не украл же все это Павел. Хотя время неумолимо мчится вперед: кто знает, с кем он сейчас общается, что у него за друзья-приятели. Необходимо срочно поговорить с сыном, откровенно, по душам, во всем разобраться, и Иван Петрович решил дожидаться Павла, проведя этот вечер в Москве.

Время тянулось долго, посмотрев программу «Время» по первому каналу, он выключил телевизор и задремал. Но в голове одна мысль вытесняла другую. Внезапно разболелась голова, и на душе было препротивно. Несколько раз звонил телефон. Иван Петрович не стал подходить – ему мало кто звонил в последнее время: все друзья и знакомые знали, что в Москве его трудно поймать: новый дом, строительство всецело заполонило его досуг. Знакомых и друзей сына он мало знал, да и откровенно говоря, именно сейчас особого желания с кем-либо общаться не было.

Иван Петрович снял с полки книжку и начал ее читать. Детективный роман был неинтересен: уже на шестой или седьмой странице было ясно, кто злодей и как его собираются облачать доблестные органы правопорядка. Муровцы, все как один, были выписаны автором небрежно, как-то избито и одновременно напыщенно.

Отлежав бока и спину, Иван Петрович внезапно решил собираться в дорогу: захотелось на воздух, обратно на дачу, благо, было еще светло. Он поднялся с дивана, упаковал все свои покупки, закрыл окна, по-хозяйски выключил везде электричество и двинулся к входной двери. В тот же момент раздались звуки приехавшего снизу лифта, затем несколько раз кто-то безуспешно пытался попасть ключом в замок, но промахивался. Наконец замок шелкнул. На лестничной площадке шла какая-то возня, раздавался громкий женский смех. Дверь в квартиру была с силой распахнута – перед отцом стояли двое. Павел и неизвестная женщина, яркая, крашенная блондинка. Павел в вечернем дорогом костюме, его дама в шелковом, сильно декольтированном платье, изрядно выпившие, они хохотали во все горло. Увидев отца, Павел опешил. Он что-то стал скороговоркой объяснять, но язык заплетался, и ничего путного отец

от сына так и не услышал. Иван Петрович молча вышел из квартиры, сел в лифт; уже во дворе отдышался, настроение было испорчено вконец. Он тяжело вздохнул и пошел к своему «Москвичу».

\*\*\*

До дачи Иван Петрович добрался благополучно, дорога немного успокоила его, он ехал не спеша, а на поселок тем временем плавно опускался тихий вечер. Стемнело как-то незаметно, на небе появились маленькие подмигивающие звездочки, все вокруг затихало, все готовилось ко сну.

К Полине Ивановне он не стал заходить – поздновато, да и в ее доме не было света. Сам Петрович был не в духе, а свое настроение не хотелось никому показывать и что-то объяснять. Когда он поднимался по ступенькам к себе на веранду, неожиданно в тишине, у калитки, прозвучал знакомый голос: «Ваня, Иван Петрович, приехал? Я переволновалась, даже не могла заснуть, вот решила пойти тебя встретить, вдруг нужна помощь? Машина, сам знаешь, сломаться может в любой момент, да и на дороге все может быть. А теперь я спокойна: ты жив и здоров. Поди устал, иди домой. Отдыхай.»

Она стояла около калитки и ласково смотрела на Ивана Петровича. Он спустился к ней, взял ее руку в свою, поцеловал ее и прошептал тихо-тихо: «Поленька, душа моя, спасибо тебе за все. Сама-то не промокни, трава уже вся в росе. Темно уже, завтра зайду к вечеру. Подожди, подожди. Я совсем забыл, ты ведь завтра собиралась Ольгу забирать из больницы. Я тебя подвезу, машина на ходу. И втроем обратно. Как, кстати, она? Лучше ей? – Полина Ивановна промолчала. – Так что мы с самого утра и поедem, чаек попьем и в путь. Договорились? Полина Ивановна согласно кивнула и, мягко ступая, направилась к своему домику.

## Глава 5

Как нарочно, с утра погода не заладилась. Кончилось бабье лето, в свои права вступила хозяйкой осень. Холодный ветер раскачивал деревья, кусты мотались из стороны в сторону, последние цветы на клумбах поникли и имели жалкий вид. Дивный сад готовился к холодам и снегу.

В клинику они успели вовремя. Полина Ивановна пошла забирать Ольгины вещи, а Иван Петрович поддерживал девочку до выхода из клиники. Он обратил внимание, что костыль ей не по размеру и девочка опиралась на него, морщась и чувствуя боль. Обратная дорога показалась легче и короче. Они несколько раз останавливались перекусить. (И когда только Полина Ивановна успела напечь пирожки и приготовить домашний квас?) До дачного поселка доехали быстро. Прошел дождь, и у самой калитки сияла всеми цветами радуги огромная лужа. Пришлось проехать чуть дальше от дома. Иван Петрович отнес Ольгу на руках до крыльца. Полина Ивановна возилась с дверью, с щеколдами, а Ольга отдыхала на скамеечке около входа, прямо под окнами старого любимого домика. Удостоверившись, что все в порядке, Иван Петрович откланялся со словами: «Слава богу, что дорога была спокойной и добрались без приключений. Моя миссия на сегодня вроде закончена. Отдыхайте. Высыпайтесь. А мне надо машину с дороги убрать и отогнать ее за дом. Если Полина Ивановна позволит, вечером я к вам загляну».

Когда он ушел, Полина Ивановна помогла племяннице подняться по ступенькам и сказала:

- Как ты, Оленька? Очень устала?
- Да нет, нормально все.
- Поди, есть хочешь?

– Нет, спасибо, тетя Польш. Мы же в машине перекусили. Еще не хочется.

– Ну тогда перекусим попозже. Я сейчас печку растоплю, а то уж больно свежо. Выступим дом. А тебе нельзя переохладиться. Ты пока посиди в своем любимом кресле. Отдохни от машинной тряски. Хочешь, телевизор включу?

– Нет, не надо. Я и в больнице его мало смотрела – больше читала. Тётя Поля, а правда, что у Ивана Петровича дома огромная библиотека? Представляешь, он сказал, что около тысячи книг. Ох, если бы у меня было столько книг! Я бы только и делала, что читала. И собранных сочинений у него очень много. Как ты думаешь, удобно его попросить привезти мне, например, что-нибудь из Драйзера или фантастики? А как мне хочется перечитать всего Грина! Я его просто обожаю.

– Да не волнуйся, привезет он все, что попросишь. Кстати, он мне сказал, что в новом доме специально оставил одну комнату под библиотеку. Будет у тебя «ленинская» библиотека через калитку – читай на здоровье. Человек он добрый, отзывчивый. Между прочим, вместе со мной в клинику приезжал к тебе, правда, к тебе ну никак нельзя было проникнуть: ты тогда лежала в реанимации после операции. Вот поэтому ты его и не помнишь.

– Пока мы одни, Оля, я хотела бы кое о чем с тобой поговорить.

– Хорошо, тетя Польш.

– Девочка моя милая, теперь я являюсь твоим опекуном. Бумаги все выправлены, в больнице я все подписала. В органах опеки тоже. Теперь я за тебя несу личную ответственность. Все проблемы будем решать вместе. У нас всегда с тобой было все ладно, так и будет дальше. Мой дом – твой дом. Как жили всегда душа в душу, так и будет. В ту маленькую комнатку, где ты жила летом, привезем из московской квартиры то, что считаешь необходимым. Мебель, какая уместится здесь, твои вещи, учебники, – короче, что тебе будет нужно. Сама сообразишь. Так, это я тебе сказала, а еще-то что? Вспомнила. Тебе сейчас шестнадцать с хвостиком. Надо будет паспорт выправить. Съездим в Москву, в ваше отделение милиции. Я хотела сама поехать и все сделать, но нужно расписываться в паспорте, так что, без тебя – никак. А вот когда тебе исполнится восемнадцать и если захочешь жить в своей квартире самостоятельно, я не буду возражать. Но до этого еще долго. Как говорят, загад не бывает богат. И еще я хотела сказать... Ты у меня девочка умная – все понимаешь. Пенсию я получаю небольшую, поэтому, если ты не возражаешь, вашу московскую квартиру хорошо было бы сдать. Это очень нам поможет. Тем временем я похлопочу, чтобы оформить тебе группу инвалидности. Сколько положено – все будет твое, твое приданое. Деньги положим на твое имя, на сберкнижку, а когда ты паспорт получишь, купишь себе что-нибудь. На работе у твоего папы и моей сестры, денег насобирали много, спасибо добрым людям, не оставили в беде, половина, конечно, ушла на похороны, но и нам на жизнь кое-что осталось. После этих слов Оля расплакалась и долго не могла успокоиться.

– Оленька, девочка, поплачь, поплачь. Нельзя в себе печаль таить. Мы ничем им не поможем. Такая у них судьба: любили они крепко друг друга, вот их бог и не стал разлучать после смерти.

– Устала, Оля? Может, отложим разговоры?

– Нет-нет. Тетя, миленькая, как жалко, что осень так быстро наступила. Мне так хотелось бы съездить на кладбище – цветы родителям положить.

– Обязательно съездим. Договоримся с Иваном Петровичем, он нас отвезет, пока еще дороги не совсем размыты. Я хотела тебе сказать о школе: ты ведь пропустила целый учебный год. Я заходила к директору школы, все узнала. Я директора хорошо знаю, все ему объяснила, рассказала твою историю. Значит, есть два варианта: можно пригласить учителей сюда, и они будут приходить к тебе, чтобы объяснять новый материал. Правда, я не представляю, как это делается – за деньги или бескорыстно. В конце года попробуешь сдать экзамены. А второй вариант – самостоятельный. Ты получаешь задания по всем основным предметам, сама по кни-

гам и учебникам разбираешься с ними и в середине года пишешь в виде зачета контрольные работы. По основным дисциплинам. Если успешно все напишешь – будет считаться, что ты закончила десятый класс. Вторую половину года, после зимних каникул и до весны, ты занимаешься так же. С заданиями и зачетами. Если справишься, то получишь аттестат по всей форме. Подумай хорошо, будет ли тебе это по силам. А когда решишь, я зайду к директору и договорюсь с ним. Но ты не спеши, хорошо все обдумай. Между прочим, Ваня, ой, извини, Иван Петрович, тебе во всем может помочь. Он и литературу прекрасно знает, и математику, и физику. Да чего он только не знает!

– Хорошо, тётя. Я все поняла. Мне самой хотелось бы поскорее закончить школу. Но я обязательно посоветуюсь с Иваном Петровичем, может, сегодня вечером мы все вместе решим, какой лучше вариант выбрать.

– Вот и отлично. А сейчас попьем чайку с пирогами и поспим немного, а то я что-то притомилась. Наверно, в машине растрясло. А там будем ждать дорогого гостя. Иван Петрович намекнул, что придет к нам не пустой, а с чаем, с чудесным душистым чаем, который он где-то в Москве достает. Ты же с ним обязательно потолкуй о занятиях – у него не голова, а совет министров, да и плохого он не пожелает. Не забудь о книгах, о которых ты мне говорила. А теперь, Оленька, пошли на кухню, а потом, как полагается, на диваны.

## Глава 6

Дни летели быстро. Осень окончательно вошла в свои права, но была в том году недолгая. Дни стали холодными, по утрам уже кое-где в саду лежал снег. У Полины Ивановны было много забот: дома ее было трудно застать. Ольга потихоньку одна справлялась с хозяйством. Научилась растапливать печь. Помогала тете готовить завтрак, а потом убиралась в комнатках. Иван Петрович сделал ей вместо неудобного костыля очень крепкую и красивую палку для опоры. Когда все дела по дому было окончены, садилась за учебники. Она решила, что все-таки лучше сдавать экзамены экстерном. Объем знаний ее не пугал: она схватывала и запоминала все новое быстро, легко. Ей нравилось учиться. И очень ее тянуло программирование, алгоритмы, расчеты и все, что было связано с новыми технологиями.

А Полине Ивановне очень нравилось быть в роли наставницы: исподволь, неназойливо она обучала Олю всяким кулинарным премудростям, научила вязать и даже кроить самые необходимые и простые фасоны, приговаривая, что любая женщина должна все уметь, так как в жизни все может пригодиться. Уж больно хотелось тетке выдать Олю замуж, причем пораньше, лет в восемнадцать. На то у нее были свои соображения. Соседкам она объяснила свою затею так: «Хочется поныть с маленьким, и помочь на первых порах Оле надо будет... Вдруг у меня здоровье подкачает, кто же ей еще поможет?»

От такого поворота подруги и приятельницы Полины Ивановны были в шоке. А самая близкая подруга просто ей сказала: «Полина, ты, что, с ума сошла, по-моему, у тебя здоровье уже подкачало!» По-женски они где-то понимали Полину, но категорически считали, что замуж Ольге вовсе выходить не стоит, во-первых, еще больно рано ей для замужества, только —только девочка стала привыкать к новой жизни, впереди серьезные экзамены. Здоровья-то вовсе нет. Какой может быть разговор о замужестве!? Неужели Полина не понимает, что хромому не спрячешь. И кому, скажите на милость, она будет нужна умная, но неполноценная? Да и где они, женихи-то, откуда возьмутся в нашем поселке? Вся молодежь в Москве: кто учится, кто работает. Сюда только на выходные приезжают, и только летом. И что это Полина затеяла? Надо здоровье девочки восстанавливать, а она надумала жениха искать! У нас в поселке все парни на пересчет. Что-то мудрит Полинушка, ох, мудрит...

Настоящую тайну Полина Ивановна не могла доверить никому: ни один человек не должен был знать, что ей сказал врач. Каждый день, засыпая, она кляла злодейку-судьбу, которая так несправедливо обошлась с ее милой Оленькой. Только лишь Полина Ивановна знала,

что болезнь, коварно дремлющая в организме девочки, в любой момент может проснуться. Вдруг начнет съедать ее тело с необыкновенной быстротой, может, даже быстрее, чем сказал доктор. Вдруг ее к тому же парализует в двадцать? Она помнила, как он прочел из истории болезни: поражен позвоночник, возможна частичная парализация, и еще в добавок наблюдаются опухоли... Кому она будет нужна такая молодая и обреченная? Мужу? Вряд ли. Отдаст в богадельню или хоспис и был таков. С другой стороны, а вдруг болезнь отступит, если Оля родит? Может, Божья Матерь заступится за нее? За что такой молодой такие тяжкие муки, за какие такие грехи? Да и поможет ли ей замужество? Ведь какая это нагрузка – замужество! А она ведь ребенок еще! Нет, не в праве она эти проблемы самостоятельно решать: тут нужен совет мудрого человека, прежде всего психолога, стоит посоветоваться и с другими хирургами, а может, обратиться к экстрасенсу?

## Глава 7

Отец Олега, Константин Владимирович, после окончания московской военной медицинской академии был откомандирован в Забайкалье. Дослужившись там до майора, он был переведен в Грузию, в тбилисский гарнизон Группы российских войск в Закавказье, который располагался недалеко от столицы Грузии.

Хирургом он был от бога, сложнейшие операции выполнял с большой тщательностью, сам наблюдал и ухаживал за сложными больными. Оставался в госпитале на ночь, если нужно было следить за состоянием больного. Он был опытейшим хирургом, правда, немного суховатым, немногословным, но прежде всего требовательным и принципиальным. Он сразу вписался в коллектив госпиталя и потихоньку стал негласным его руководителем. Тем более что у госпиталя так и не было начальника: старый руководитель вышел в отставку, а нового пока не прислали. К Константину Владимировичу все сотрудники, работавшие в госпитале, обращались за советами, его мнение было непререкаемым. В этом новом коллективе он стал для всех своим. Но было одно *но* – грузинский язык он почти не понимал, да что говорить, знал по-грузински слов десять, не более, а произносить их для доктора было невероятно тяжело. Хорошо, что хоть коллеги, соседи и товарищи сына говорили на русском языке.

Грузия поразила его пышной природой, самобытностью, колоритом, соседством старого быта с новым, обилием древних памятников. Воздух, горы, зелень – все это завораживало, очаровывало, а торопливые, бурлящие, беспокойные реки не могли не радовать глаз, как красивые картины в музее или на экране. Но глядя на эту экзотику, душа и сердце все-таки тосковали по родному Орлу, по местам юности, спокойным русским пейзажам, по месту первой и последней любви.

Константин Владимирович был однолюбом и считал, что на свете нет милее и лучше женщины, чем его жена. Был он к ней необыкновенно нежен, а уж когда она подарила ему сына, в буквальном смысле, таскал ее на руках от счастья.

Ностальгию по родным местам он переживал мучительно. Несколько раз майор подавал рапорт о переводе в другое место службы, в другие округа. Влажные, дождливые зимы, жаркое лето, к сожалению, исподволь отражались на его здоровье. (Он жаловался жене на давление и частые головные боли). Однако каждый раз ему приходил отказ. Константин Владимирович не догадывался, что эти отказы – интриги полковника, командира военной части. Тот, получив в руки рапорт—прошение, немедленно созванивался с вышестоящим командованием и объяснял, что без этого замечательного хирурга госпиталь развалится, что его руки и опыт пока передать некому. Он фактически выполняет функции начальника госпиталя, и перевод его куда-либо нежелателен. «При нынешнем хирурге, – добавлял полковник, – вся „медицина“ у меня в полном порядке. Я, – добавлял он, – как никогда прежде за госпиталь спокоен.» В конце концов, идея с переводом постепенно сошла на «нет». Хочешь не хочешь, надо было приспособливаться нынешним условиям.

Жену Константин Владимирович привез со своей родины, из Орла. В Тбилиси у нее не было ни знакомых, ни друзей; языка она не знала, и первое время немного побаивалась выходить далеко от дома, особенно вечером. Тем не менее к русской паре соседи по дому отнеслись с участием и уважением, а с появлением у них первенца дружно помогали молодой матери. Через год молодая русская женщина вполне сносно могла объясняться по-грузински, чем восхищала соседей и друзей. Она, правда, как и муж, тоже грустила по городу, в котором родилась и где остались ее родные и подруги. Но время меняет многое: ностальгия по всему русскому, родному, привычному с годами стала чуть ослабевать, а потом как-то вовсе исчезла и, когда любимому и единственному сыну исполнилось семнадцать, Елену Викторовну от чистокровной грузинки отличал только цвет волос и необыкновенной красоты голубые глаза.

Их сын рос в обычном городском дворе старого Тбилиси. Ничем не отличаясь от своих сверстников, Олег часами ловил с ровесниками птиц в предместьях города и воровал в окрестных садах апельсины. Ребята из одного двора, они были неразлучны. Все центральные кварталы Тбилиси принадлежали только им, это были их «тайные царства». Четыре друга, четыре мушкетера – не разлей вода. Всегда вместе. Никаких тайн друг от друга. Все за одного, один – за всех, как у Дюма. Убегала четверка на целый день в горы и часами пропадала на берегу Куры. Но для Олега любимым местом была и всегда оставалась Мтацминда, самая красивая, всегда разная, полная тайн и загадок гора. Недаром в переводе на русский ее название означает «Святая». Олег представлял ее живой, прекрасной юной девушкой, и в двенадцать лет сложил в ее честь балладу, подражая классике грузинской поэзии Николозо Бараташвили.

Четверка неразлучных друзей образовала свое тайное братство – «Совет четырех», где каждый из друзей поклялся «в дружбе до последней капли крови». Каждый из них считался равным другому, и каждый был провозглашен на тайном совете «царем» одного из районов Тбилиси. Гиви стал хозяином Авлабара, Дато «владел» – Абанотубани, Олег – Старым городом, который с раннего средневековья назывался Кала (крепость, по-арабски). Ираклию «достался» проспект Шота Руставели. Каждый из них должен был знать все закоулки и тайные дворы «своих владений», где и у кого какой сад, что растет в огороде, есть ли место, чтобы проникнуть туда незаметно. Каждый день они меняли район своих поисков. Поймать их было невозможно. Домой добирались тайными тропами, известными только им одним, усталые, вымазанные фруктами, зеленью, с карманами, наполненными орехами и ягодами. От своих «великих свершений» их сердца переполнялись гордостью, и счастьем их не было предела. Но время летело, и когда друзья пошли учиться в школу, о набегах на сады и огороды пришлось забыть. Изучение потайных мест и облюбованных садов прекратилось до каникул.

Хотя неразлучная четверка друзей попала в одну школу, учились они в разных классах, тем не менее всегда приходили на помощь друг другу, если случались стычки и конфликты с одноклассниками. Физически Олег был сильнее своих друзей: отец заставлял сына с первого класса заниматься бегом, прыжками, отжиманиями, купил ему велосипед. Олег рос крепким, здоровым и, самое главное, не по возрасту начитанным. Он читал запоем, все вечера его были посвящены книгам. От «четверки» свою страсть он скрывал: маленькие мужчины уважали другие пристрастия: технику, спорт, особенно футбол, самолеты. Мечтали о красивых подругах. И учились друзья по-разному, в меру своих способностей. К девятому классу юноши повзрослели. Двое из них, Гиви и Ираклий, покинули среднюю школу: в больших семьях нужны были рабочие руки, поэтому родители отдали их в технические училища. Так неразлучная «четверка» распалась. Но хорошие дружеские отношения между друзьями по-прежнему сохранились.

## Глава 8

В десятом классе родителей Олега неожиданно пригласил зайти классный руководитель. В школу отправилась мама, которая была удивлена: впервые за десять лет что-то случилось в школе. Она немного нервничала, подходя к школе, но ее с улыбкой и почтением встретил пожилой учитель истории – он несколько лет руководил классом, в котором учился Олег. Как же она была удивлена разговором с классным руководителем! Он не мог не нахвалиться на Олега: «Ваш сын, уважаемая Елена Викторовна, очень хорошо учится, – начал разговор преподаватель, – получает по всем предметам только отличные оценки; он серьезен, ладит со всеми школьниками, – так что претензий к нему – никаких. А хочу я вам сказать вот что: и это самое главное, у вашего сына все задатки стать очень хорошим историком или филологом. Я недаром выбрал его руководить историческим кружком. Так вот, его доклады просто блестящие. И пишет он хорошо, стиль перевода сохраняет в неизменном виде! Что просто удивительно, такие способности у юноши, у него очень большой дар – ему надо изучать языки, и древние, и современные. Потому у меня к вам есть одно предложение. В этом году в нашем университете будет читаться курс лекций для старшеклассников, желающих заранее подготовиться к экзаменам в вуз. Я бы посоветовал Олегу прослушать этот курс. Это займет два, от силы, три часа в неделю. Зато к экзаменам он подготовится отлично. Посоветуйтесь с мужем, поговорите с сыном. Думаю, что такой возможностью не стоит пренебрегать».

\*\*\*

Константин Владимирович взял положенные ему за переработку отгулы и решил свободное время посвятить домашним проблемам. Когда Елена Викторовна вышла в магазин, Олег сказал: «Пап, мне нужно кое-что тебе сказать. При маме я не хотел начинать этот разговор, а то она будет волноваться».

– Хорошо, давай поговорим. Что-нибудь серьезное?

– Понимаешь, какое дело... После лекции в университете ко мне подошел один парень, он учится на третьем или четвертом курсе, ну это не принципиально, и спросил меня, кто я по национальности. Честно говоря, я был ошарашен. На чистом грузинском отвечаю, что я – русский, и не скрываю этого, хотя и родился в Тбилиси. «А, вот оно что, – ответил парень. Это все меняет. Тогда ты «свой.» – Я его спросил, что «меняет»? И почему «свой»? – Видишь ли, друг, – так он меня назвал, – мы тут собираемся направить нашему правительству петицию. Во-первых, кто это «мы» и, во-вторых, какую петицию? – спрашиваю я. – Так, все по порядку: смысл петиции в том, что родной язык для всех, живущих в Грузии, – должен быть один, родной, грузинский, а не русский. И так должно быть написано в нашей грузинской конституции. В школах и вузах все предметы должны преподаваться только на грузинском языке. А русский – по желанию. Кто хочет – пусть учит. Я, например, дополнительно занимаюсь английским. И между нами, – добавил он, – Грузия свободна выбирать не только государственный язык, но и свой путь развития. Не Россия должна нами руководить, а мы сами. У нас свое самосознание, традиции, своя гордость. Ты представь: у вашей семьи свое жилище, свой уклад, семейные привычки. И вдруг появляется некто и говорит: все, хватит, будете жить по моим законам, – так, как я скажу. А если послушаетесь меня, буду принимать жесткие меры. Как тебе этот сценарий? Я думаю, что твой отец и мама, да и ты были бы, мягко говоря, оскорблены. Так вот, если петиция о языке ничего не изменит – будем бастовать.

– И что ты на это ему ответил?

– Что, безусловно, это их право – писать и требовать, что считают справедливым. Но, по вашей логике, – говорю – выходит, что русские и жить здесь не должны. А он мне в ответ говорит: «Нет, брат, кто в Грузии родился, пусть остается. Кроме этого, смотри сам, многие приезжают учиться к нам – разве мы возражаем? – наоборот, только рады. Ты сам знаешь, наш народ очень гостеприимный. Мы очень любим гостей, и хотя для нас гость – это все,

но и у гостей должна быть гордость и скромность – погостил и до свидания». Вот, пап, чем закончился разговор.

– Да, Олег, серьезный диалог. Вот, что я тебе скажу. Первое. То, что ты услышишь от меня, не для чужих ушей. Ты уже взрослый человек, серьезный. Информация для внутреннего пользования: никому ни слова, ни намек. Надеюсь на тебя. Итак, о готовящихся студенческих выступлениях все воинские подразделения Закавказского округа в курсе. И компетентные органы, и военная разведка зря хлеб не едят. О том, что назревают волнения, мы знаем давно, получаем по своим каналам сводки и телефонограммы. В прошлом году, когда только готовился проект новой конституции Грузии, студенты выступали с требованиями, который озвучил тебе парень, с которым ты общался, так называемый «брат». Несколько человек из организаторов были предупреждены органами, некоторых арестовали. Сейчас начало марта, посмотрим, как будут развиваться события в апреле. Первый секретарь ЦК партии Грузии действительно находится в крайне сложной ситуации, но, учитывая, что он политик со стажем и имеет чувство ответственности перед своим народом, переговоры, которые он ведет с Политбюро, – а там достаточно много непримиримых консерваторов, – должны, по моему мнению, дать какой-то эффект. Но это лично мое мнение, а как дела в апреле сложатся – одному богу известно. Все сценарии не проиграешь. Много будет зависеть и от населения, если оно поддержит студентов и интеллигенцию, если на улицы выйдут толпы, вполне могут быть горячие, очень горячие дни.

Во-первых, Олег, маме о нашей беседе ни слова, не волнуй ее. Мама за нас двоих переживает, тем более я дома бываю редко. Если будет что-то срочное, я позвоню из части. Это касается событий, которые могут произойти в апреле. Ни на какие провокации не поддавайся. Ты достойно ответил этому студенту, правильно, но, прошу тебя, ничего не подписывай и ни на какие собрания студентов, даже если тебя пригласят закадычные друзья, не ходи. У тебя последний год, выпускной. Перед тобой стоит конкретная задача: ты должен спокойно готовиться к экзаменам. И не только к школьным, на аттестат, но и в институт. И запомни: у нас семья маленькая, у меня только один сын. А теперь, Олег Константинович, скажи мне, какие у тебя самого-то планы, куда собираешься поступить?

– Пап, в Московский университет. В МГУ есть отделение, вроде отдельного института или кафедры, я точно еще не знаю, – «Востоковедение». Там готовят переводчиков для наших дипломатических миссий в азиатских странах. Изучают арабский, хинди, санскрит и много еще чего. Вот туда хочу. Это – мое. Мне это по душе, и я думаю, что с экзаменами справлюсь. Кстати, пап, там существует военная кафедра, так что после института я буду считаться военным переводчиком.

– Дай бог, чтобы было так, как ты задумал. Но мы еще вернемся к этому разговору сразу после окончания школы. У меня мелькнула одна мысль, но пока еще рано о чем-то говорить. Олег, чувствую, сейчас мама придет. Прошу тебя, береги ее, не волнуй понапрасну.

– Конечно. И ты не волнуйся за нас. Дома все будет спокойно. Пап, а ты можешь в апреле взять отпуск и побыть с нами?

– Вряд ли. Я тебе все объяснил: если произойдут столкновения, в первую очередь именно хирурги будут нужны. Все на этом. Закончили. Мама пришла.

Вечером, когда сели ужинать, отец сказал: «Елена Викторовна, у нас, по-моему, в буфете давно пылится бутылочка армянского коньяка. Будь добра, принеси ее на стол. Сегодня для общего застолья есть хороший повод: меня повысили в чине, завтра по всей форме должны зачитать приказ. И кроме того, я теперь официально руковожу всем госпиталем. Итак, Елена, твой муж – полковник. А ты, Олег, соответственно, сын полка, прости, сын полковника. За столом все дружно расхохотались и прозвучало троекратное «Ура!»

Ложась спать, Константин Владимирович прокручивал в голове разговор с сыном и думал, что тот парнишка, студент, во многом прав. Действительно, у грузинского народа свой

прекрасный древний язык, прекрасная литература, поэзия, красивые песни. Так почему мы все им навязываем: и язык, и культуру, да и политику, наконец? Они ведь защищают национальные интересы. Прав тот студент, прав во всем, а танками и ружьями национальное движение не остановишь. Если старички в Политбюро и генсек этого не поймут и в Грузию подтянут войска, – постараюсь перевестись в другой округ. Стрелять в живых людей, думающих не так, как тебе бы хотелось, безнравственно. Коренное население вправе бороться за свои интересы. Случись беда, я не смогу смотреть в глаза раненым!

В середине апреля перед зданием Тбилисского государственного университета собралась большая толпа: студенты, профессора, педагоги, представители творческой элиты. Демонстранты двинулись к Дому Правительства. Во время шествия к ним присоединялись студенты из разных вузов, в толпе собралось много старшеклассников. Большая часть населения Тбилиси была на стороне восставших. Всех их объединяло одно: необходимость восстановления статуса грузинского языка как государственного. Москва, к удивлению, пошла на уступки, и крупное кровопролитное столкновение с властями, которое могло произойти в любую минуту, было предотвращено. Текст новой Конституции Грузии был изменен. Тбилиси ликовавал!

## Глава 9

На следующий день Константин Владимирович подал прошение об переводе на службу в другой военный округ. Давно сменился бывший начальник военной части, на его место был назначен другой человек. Новый командир, тоже полковник по званию, приступил к командованию частью буквально за несколько дней до демонстрации. В госпиталь он еще не навещался. Он вызвал к себе Константина Владимировича и попросил объяснить причину его прошения о переводе. Хирург объяснил, что это прошение вызвано исключительно медицинскими показаниями, и такая просьба не первая. «К сожалению, здешний климат повлиял на работу сердца. Последние кардиограммы показывают, что сердце надо подлечить, иначе не избежать неприятных последствий. Сейчас аппарат показывает практически прединфарктное состояние. А выходить в тираж, на пенсию, не хочется, да и рановато, – ответил хирург. Все это я объяснял вашему предшественнику, но регулярно получал одни только отказы. В чем была причина отказов для меня так и осталось загадкой – меня не посвящали в детали».

– Константин Владимирович, – продолжил новый командир части, – но, к сожалению, ждать решения о переводе придется не меньше двух месяцев. Ведь вы не только хирург, но и начальник нашего госпиталя. Потребуется время, чтобы найти достойную замену. Да и вам будут подыскивать соответствующую званию должность, а вы, как никто, знаете, что при нашей любви к волоките, при нашей повсеместной бюрократии, в один день этот вопрос не решится. И еще одна просьба, чисто формальная: приложите к прошению копии двух последних электрокардиограмм. Может быть, я вам помогу сначала подлечиться в хорошем санатории или в Москве, в госпитале имени Бурденко: у меня там сохранились хорошие связи. Пришлось недавно и мне там полежать. Да, было дело... Вполне вероятно, что там вы сможете встретить друзей по академии. Прошу прощения, Константин Владимирович, неотложных дел масса, поэтому не смею вас задерживать. Вы свободны.

Выйдя из кабинета, Константин Владимирович свободно вздохнул. «Кажется, – подумал он, – на этот раз должно получиться». Новый начальник части произвел на него хорошее впечатление – деловой, серьезный, лишних и ненужных вопросов не задавал и в душу не лез. Константину Владимировичу не надо было что-то придумывать и лукавить – кардиограммы сами за себя говорили: любой специалист разберется, что сердце следовало лечить, причем давно. «Однако об этом разговоре близкие не должны пока знать, – думал хирург, – зачем заранее волновать Елену и Олега. Будем ждать решения вышестоящего начальства». Интуиция под-

сказывала, что именно на этом прошении в штабе поставят «добро», и он, наконец, вывезет семью из Тбилиси.

Уехать из Грузии стало самоцелью для хирурга: много размышляя об апрельских событиях, где, к счастью для всех, никто из населения тогда не пострадал и ему не пришлось сутками оперировать участников восстания и подписывать акты о смерти от контузий и ранений, – но внутри что-то неумолимо подсказывало, – а он привык доверять своему внутреннему чутью, – это только начало. Свободу по кусочкам не отвоевывают. Началось все с языка. С этим можно согласиться. Но по логике теперь активисты будут всеми силами бороться с коммунистической идеологией. А затем – за свободную Грузию. Да разве на это пойдет Кремль? Вряд ли. Вот тут-то и произойдет непоправимое. И представить эти события легко: ввод в Тбилиси нескольких дивизий, вероятно танковых, оккупация районов около столицы Грузии. Победивший в апреле народ не сдаст своих позиций – и толпы выйдут на улицы. Избежать кровопролития уже не получится. А как при этом будет реагировать Абхазия? Восстанет или подчинится Москве? Между грузинами и абхазами особенно пылкой любви никогда не замечалось. Может так случиться, что в пику грузинскому свободомыслию на этой волне Абхазия займет прорусскую позицию. Неслучайно в нескольких абхазских селах около Гудаут собирались сходки, и они вроде бы написали в Кремль какое-то письмо (или петицию) с требованием прекратить переселение грузин на свою землю. Нет, ничего хорошего для этих соседних республик в будущем ждать нельзя. События будут назревать, накаляться, и крови не избежать...

Уехать надо от этих проблем – чужое государство, чужой народ, чужой язык. Они первыми восстали против коммунистического ига – вот они, к сожалению, первыми и получают по полной за все республики. Господи, спаси их, они же хотят только свободы...

Он ехал домой, и из окон служебной машины внимательно рассматривал знакомые пейзажи, улицы, проспекты, дома, храмы. Но глаза все видели по-другому: он представил на этих улицах, во дворах, в переулках и проспектах зеленые танки, солдат, приехавших в них спасать не пойми кого и не зная отчего, представил необрунные трупы, кровь – и ему стало нехорошо. Сердце бешено колотилось, грудь разрывала нестерпимая боль, воздуха не хватало, голова раскалывалась от боли. И только одна мысль сверлила мозг: «Домой, скорее домой, к своим, умирать – так дома. Нет, погоди Костя, какая еще к черту смерть! Нет, нет и нет! Рано. Как Лена будет без меня, как Олежек? Люди живут и с инфарктами. И даже работают. Я еще поборюсь. Должен».

Водитель рассказывал что-то интересное о своем детстве и семье, но Константин Владимирович не слышал его: он думал о своем и только прошептал: «Антон, прибавь газу – я спешу». Невзирая на мигающие светофоры, машина вмиг домчалась до Старого города. Антон помог Константину Владимировичу подняться в гору: шофер заметил, что хирург бел как снег и еле дышит. Антон сам не на шутку перепугался: никогда не приходилось видеть своего шефа в таком состоянии.

\*\*\*

Елена Викторовна дала валерьянки мужу, вместе с Антоном переложили его на диван, и, поблагодарив, отпустила водителя. Она немного подождала и, когда Константин Владимирович стал дышать ровнее и начал подремывать, позвонила в часть, попросила соединить с начальником. Тот поднял трубку.

– Добрый день. С вами говорит жена Константина Владимировича, Елена Викторовна. Как к вам можно обращаться?

– Аркадий Семенович.

– Аркадий Семенович, простите, что беспокою. Я даже не знаю, как вам сказать. Антон только что привез мужа. Ему в машине стало плохо. Судя по состоянию, сердечный приступ. Раньше этого не было с ним. На сердце он никогда не жаловался. Я так боюсь за него...

– Я вас понял, Елена Викторовна. Первое. Я прошу вас никуда не уходить из дома. Я вам перезвоню через некоторое время. Сделаю все, что в моих силах. Ждите звонка. Второе. Немедленно вызывайте «Скорую помощь». Объясните врачам, чтобы они подготовили больного к транспортировке. Все это надо сделать срочно. Обязательно скажите, что муж сам хирург и приступ начался в машине, которая доставила больного из военной части, где он служит. Я думаю, что «скорая» приедет быстро, тем более что речь идет о коллеге.

Действительно, «скорая» приехала через пятнадцать минут. Бригада хлопотала вокруг хирурга: сделали кардиограмму, больному дали нитроглицерин.

В этот момент раздался телефонный звонок. Звонил начальник части.

– Елена Викторовна. Я выслал личную машину к вам домой. Она отвезет Константина Владимировича в Кутаиси. Оттуда самый ближайший рейс на Москву. Ничего не поделаешь: из Тбилиси борт вылетает только поздно вечером. Вы летите вместе с мужем. Я с военными в Кутаиси договорился. Там вас будут ждать, встретят и отправят в Москву. В Москве прямо к самолету подъедет реанимационная машина, и на ней вас с мужем доставят в Военный госпиталь имени Бурденко. Начальник госпиталя (или начальник отделения) позаботится о том, как и где вас разместить, я имею в виду гостиницу или специальную палату. Главное, не паникуйте, все будет в порядке. Как там Константин Владимирович? То, что заснул, это хорошо. Прошу вас, Елена Викторовна, пока к вам доедет машина из части, упакуйте чемоданы или сумки со всеми необходимыми вещами. Задерживать рейс нельзя. Подготовьте все необходимое, что ему и вам понадобится и в дороге, и в машине. Я послал двух самых сообразительных и ответственных ребятшек, они вам помогут во всем. Я передал с ними деньги для вас – это жалование Константина Владимировича плюс премиальные, чтобы в Москве нужды ни в чем не было. А теперь соедините меня с врачом «Скорой». Счастливой вам дороги, завтра позвоните сюда.

– Спасибо вам большое за заботу. Передаю трубку.

Пока врач тихо беседовал с начальником части, Елена Викторовна быстро собрала все необходимые вещи. Упаковав сумки и чемодан, она села около мужа и стала писать письмо сыну, у которого именно в этот день был последний экзамен. Она помнила, что у старшеклассников существовала давняя традиция: после любого экзамена они веселой гурьбой отправлялись в Ботанический сад. Погулять, зайти в погребок, отметить сухим вином успешную сдачу экзамена.

Она не ждала сына так рано, и, когда дверь в квартиру открылась и она увидела Олега, даже растерялась.

– Почему так рано, Олег? Все нормально?

– Мам, что случилось? Что с отцом?

– По дороге домой папе в машине стало плохо. Я уже позвонила в часть, поговорила с новым начальником. Потом вызвала «Скорую», приехали врачи, сняли кардиограмму. А сейчас к нам едет машина из части, личная, начальника, и мы поедем с отцом в Кутаиси, в аэропорт.

– Подожди, мам. Ты так быстро говоришь, что я не успеваю за тобой. Почему в Кутаиси? Почему не из Тбилисского аэропорта? И скажи мне вразумительно, что с отцом? Что врачи сказали?

– Олежек, у папы предынфарктное состояние. Ему вкололи лекарство и снотворное, чтобы он хорошо перенес дорогу. Не буди его. А я спешно собираю все в дорогу, нельзя опаздывать на самолет в Кутаиси. Оттуда в Москву самый ближайший рейс. В Москве нас встретят

военные из госпиталя, они прямо к самолету подъедут. Папу положат на обследование в Главный военный госпиталь.

– Так ты тоже полетишь в Москву?

– Конечно, разве я могу мужа оставить... Олежек, я не спросила тебя, как экзамен?

– Мам, как и предыдущие, на «отлично». Не обо мне сейчас речь – главное, здоровье отца. Можно мне вас проводить? Хотя бы до Кутаиси?

– Не знаю, Олег, машина-то личная, начальника части. Это он все устроил: со всеми договорился и даже с бригадиром «Скорой» пообщался. Правда, я не знаю, отцу ведь надо будет лежать. Какая приедет машина, сколько там мест, не представляю. Она уже должна приехать с минуты на минуту. И вот еще что: в холодильнике первое и жаркое. На два—три дня тебе хватит. Деньги, как всегда, найдешь в серванте. А когда у вас выпускной вечер?

– Через неделю. Мам, в дверь звонят. Пойду открою.

На пороге стояла соседка и попросила позвать Елену Викторовну. В коридоре они тихо шептались. Потом к ним вышел Олег, и Елена Викторовна сказала сыну: «Олег, когда еда кончится, будешь обедать у тети Софико. Я с ней договорилась. Хорошо? – Хорошо, мам.»

По лестнице поднимались двое молодых ребят в военной форме. Соседка посторонилась, впуская их в квартиру. Парни вынули носилки, осторожно положили доктора и не спеша начали спускаться по лестнице. Олег помогал им, поддерживая отца.

Соседи собрались во дворе: женщины ахали, сочувственно качали головами, желали благополучной дороги и выздоровления доктору. Мужчины молча помогали военным. Наконец, спящего укрыли, один из солдат с бутылкой воды сел около сидения, рядом с хирургом. Елена Викторовна по-грузински поблагодарила всех за помощь, сердечно попрощалась с женщинами.

Целуя Олега, она прошептала ему на ухо: «Буду звонить, так что несколько дней посиди дома у телефона. Хорошо? Позвоню из Кутаиси – я видела у ребят рацию. Ну, до свидания, мы поехали. Дай мне еще раз посмотреть на тебя.»

Машина тихонько съехала со спуска, развернулась и, выехав из двора, постепенно прибавляя скорость, поехала в сторону Кутаиси.

Соседи приглашали Олега зайти, посидеть, поговорить, но ему было тяжело с кем-либо общаться, он поблагодарил всех и вернулся к себе.

Впервые он был один дома. Ему было не по себе в наступившей тишине в пустой квартире. В комнатах пахло лекарством, на кухне мама не гремела посудой, телефон молчал. Жизнь изменила обычный порядок вещей, и Олег чувствовал, что это только начало.

## Глава 10

Константин Владимирович очнулся в машине, которая везла их с женой в знаменитый Главный военный клинический госпиталь. Их заботливо и приветливо встретил заведующий отделением сосудистой хирургии. Пока Елена Викторовна распаковала дорожные сумки и чемодан, заведующий отделением сел около кровати больного и задал мужу профессиональные вопросы, уточнив все, что его интересовало, после этого они разговорились, вспоминая прошедшие годы. Оба хирургии заканчивали академию с разницей в два года, нашлись и общие знакомые. Заведующий отделением очень хвалил Аркадия Семеновича за хватку, быстроту и организационный талант и напоследок сказал: «А время-то как бежит... Поздновато уже. Сейчас срочно сделаем еще одну кардиограмму и отдыхать. Вторая кровать – для жены. Завтра я договорюсь, чтобы она была помещена в гостиницу для сопровождающих. Гостиница тут же, на территории. Будете видеться каждый день. Сейчас, Константин, вас что-нибудь беспокоит? Нет, – это очень хорошо. Основная задача на сегодня выполнена: доставили вас без осложнений: все-таки два самолета, перегрузки при взлете и посадке, тряска в машинах. Так, поехали на кардиограмму, а потом спать. До завтра. Я еще побуду у себя: посмотрю, что там лента

покажет. И дозвонюсь Аркадию – обещал. До свидания, вернее до завтра, Елена Викторовна. Всем спокойной ночи».

Когда Елена Викторовна проснулась, мужа а палате не было. На кровати лежала записка. «Высыпайся, я беседую с заведующим. Приду и позавтракаем». Не прошло и десяти минут, как дверь в палату открылась и появился улыбающийся Константин Владимирович, а за ним заведующий отделения.

Он позвонил по внутреннем телефону, и через некоторое время им принесли завтрак. «Елена Викторовна, вчера в этой суете мы толком и не познакомились. Меня зовут, как и Достоевского, – Федор Михайлович. Думаю, забыть трудно. А теперь серьезно, о состоянии Кости. Прежде всего, гипертония. В Тбилиси случился криз. С этой дамой будем бороться новейшими средствами. На фоне гипертонии и сердечное давление очень высокое. Тоже полегчим. Сердечный ритм выровнялся, с этим вопросом порядок. Костя, не мне вас учить – нервы надо засунуть в галифе, да поглубже. Восстановите нервную систему, пропьете седативные препараты. А вот в Тбилиси возвращаться нежелательно, климат, дружок, не для вас. В Закавказье влаги хватает, особенно осенью и зимой – а вам это совсем не нужно. Хотя, как говорится, сие зависит от начальства, а не от наших предпочтений, мы же люди подневольные. Костя, вы говорили, что отдали Аркаше рапорт о переводе. Думаю, что мое заключение сыграет решающую роль. Смотрите, – улыбнулся Федор Михайлович, – в Забайкале вы уже служили, это у нас восток; в Грузии – служите, это юг. Остаются полярные медведи, которым не нужны военные хирурги и западные границы. А там врачей своих хватает – все дружно рассмеялись. Шутки шутками, но есть еще венозная система, которая меня тревожит, а все потому что вы все время на ногах. Венами надо будет серьезно заняться.

Итак, закругляюсь. Мне уже пора на обход. Да, Константин, вы говорили, что сын дома один остался. Вот ключ от моего кабинета, пока я на обходе, позвоните ему, – парень, наверное, нервничает, у него же нет никакой информации, звоните без всяких стеснений. Под стеклом коды всех городов. Все, я – на обход. К вечеру прибегу, принесу план лечения. Не прощаемся».

– Леночка, – обратился Константин Владимирович к жене, — у меня к тебе просьба. Позвони из города по одному телефону. Это очень добрый и хороший человек, мой друг, москвич, тоже военный, он уже несколько лет как в отставке. Зовут его Иваном Петровичем. У меня все руки не доходили ему позвонить, а адрес запомнил. Может подойти к телефону его жена, я точно не помню ее отчества, зовут ее Натальей. У них уже взрослый сын. Кажется... да, точно, Павел. Объясни ей или ему, где я нахожусь. Попроси приехать ко мне, поскорее. Ты его вспомнила, правда? Конечно, я же о нем много тебе рассказывал. И по-моему, когда ты приезжала в Москву, я вас знакомил... Или мне это кажется? А вот с Иваном мы познакомились на почве «книжного бума», по ночам отмечались на подписные издания. Лучший друг в Москве был. Милейший человек. Что это я его нахваляю? Сама его увидишь. Я хочу попросить его подыскать Олегу квартиру, пока сын будет сдавать экзамены. Вот как на духу, Лен, не хочу, чтобы он жил в общежитии. Думаю, что именно Ваня поможет нам.

– Хорошо, конечно, позвоню. Съезжу в центр, погуляю по Москве, пройду по улице Горького, зайду на телеграф. Оттуда и позвоню.

– Сейчас, Леночка, телефон запишу... а где моя записная книжка? Была в кармане брюк. Наверное, там и лежит. Будь добра, сходи вниз, спроси, где вещи вновь поступивших. Мне Федор разгуливать по госпиталю категорически запретил, даже по коридору. Только, говорит, постельный режим.

– Кость, какой номер твоей палаты? Так, записала около телефона. Пойду осваиваться в госпитале, а потом поеду в центр.

Погуляв немного по центру, посмотрев издали на Красную площадь, Елена Викторовна направилась к московскому телеграфу. Но, вспомнив, что где-то рядом находится старое здание МГУ, она решила сначала зайти туда. Экзамены на факультет «Востоковедение» должны

начаться через две недели. «Надо сообщить Олегу, пусть потихоньку собирается. Главное, чтобы не забыл аттестат, медицинскую карту и подготовился к собеседованию».

Напрасно Елена Викторовна пыталась созвониться днем с Иваном Петровичем. К телефону никто не подходил. «Странно, уже больше часа звоню, – где его жена, где сын? Хотя сын наверняка или учится, или на работе. А жена, наверное, тоже на работе или по магазинам ходит. Она позвонила в Тбилиси, но Олега дома не было. Придется вечером из кабинета „Достоевского“ всем дозваниваться.»

Поздно вечером, после обхода, Елена и Константин зашли в кабинет заведующего отделением. Сначала позвонили в Тбилиси. Олег сразу взял трубку. Мама быстро поговорила с ним, сообщив и о начале экзаменов, и о необходимости приобрести билет в Москву заранее, продиктовала адрес госпиталя. Потом Олег общался с отцом.

Телефон Ивана Петровича долго молчал, но в конце концов к телефону подошел, судя по голосу, сын Ивана.

– Добрый вечер. Простите, что беспокою так поздно. Меня зовут Константин Владимирович. Можно мне связаться с Иваном Петровичем? Я его друг, тоже военный, сейчас на лечении в госпитале Бурденко. Пригласите его буквально на два слова.

– Я ничем не могу помочь. Отец безвылазно находится на даче. Единственно, что я могу, завтра после работы заехать к нему на дачу и все передать. А где вас в госпитале найти: какое отделение и номер палаты? – Константин Владимирович обстоятельно объяснил.

– Спасибо, Павел, я правильно вас назвал? – Да. – Передайте привет своей маме. Я с ней знаком. Как она поживает?

– Мамы уже нет. Она долго болела, и уже два года, как мы ее похоронили.

– Простите, Павел, я не знал. Примите искренние соболезнования. Еще раз прошу прощения за беспокойство. Очень жду Ивана Петровича. Так ему и передайте, что Константин его очень ждет.

## Глава 11

Прошло два дня как в дверях палаты показался Иван Петрович.

– Ванюша, друг ты мой бесценный, наконец-то приехал! Давай, давай, заходи скорее. Константин Владимирович представил Ивану свою жену: «Леночка, она же Елена Викторовна, знакомьтесь.»

Друзья сердечно обнялись, с интересом рассматривая друг друга. Посетовали, что время неумолимый художник, который никого не щадит. Они встретились, как будто не было долгих лет разлуки. Их дружба не потерялась в жизненных коллизиях – оба чувствовали, как нужны были друг другу все время, как не хватало им обоим откровенных душевных бесед, которыми была полна их молодость. После обязательных в таких случаях разговоров о болезни, лечении и госпитале, Елена Викторовна предложила организовать второй завтрак с чаем. Иван Петрович запротестовал: ему было неудобно затруднять жену друга. Но Константин сказал жене: «Леночка, ну как же мы, слуги отечества, да без чая. Непорядок. Ты уже всех на кухне знаешь. Попроси, чтобы была хорошая заварка и много. Я думаю, что тебе не откажут», – и обратившись к Ивану сказал: «Вань, представляешь, мы здесь всего неделю, как из Грузии, а она уже со всем персоналом нашего отделения знакома. И всем нравится... Во, какой талант!» Он с любовью смотрел на жену.

Чай, к удивлению Ивана Петровича, большого знатока и любителя этого напитка, был очень хорошего сорта, ароматный, с какими-то добавками, которые еще больше подчеркивали его вкус. Немного перекусив, напившись вдоволь чайку, Елена унесла посуду на кухню и стала переодеваться. Мужчины вышли из палаты. Она не хотела мешать друзьям всласть поболтать – тем для разговоров у них было предостаточно.

Оставшись вдвоем, Константин Владимирович прежде всего выразил соболезнование Ивану по поводу смерти жены, но расспрашивать подробности не стал.

– Вань, а у меня ведь к тебе просьба. Не стану тянуть ко́та за хвост – сразу к делу. Моему отпрыску семнадцать. Он в этом году поступает в МГУ, на факультет «Восточные языки». Школу закончил очень прилично, с двумя четверками. Экзамены начнутся ровно через неделю. Не осуждай, Вань, а пойми меня правильно: не лежит у меня душа к общежитиям. Ты сам знаешь, что такое современное студенческое общежитие – гульба, выпивки, курево и девчонки, многие из которых живут без головы и принципов, короче, более чем доступны. А еще я наслышан, что в Москве полно наркотиков, которые распространяют как раз среди абитуриентов и студентов. Можешь представить, как Олег далек был от этого в Грузии. Там нравы другие, более строгие, конечно, и там, есть свои уроды и подонки, но их, к счастью, не так много. Да что говорить, в Грузии молодежь уважает старшее поколение, традиции, а этим все сказано. Я хочу, чтобы ты помог мне срочно снять квартиру для сына. Сначала на время экзаменов, а если хорошо их сдаст, то можно и продлить договор. Мы с Леной Москву не знаем, может есть какое-то место, где предлагают снять квартиры, но мы не знаем, как у вас это делается. Мне категорически запрещено палату оставлять, а Елену могут обмануть, завезут в новостройки, обманут, деньги могут украсть, да всякое возможно. Помоги, Ванюша, ты же у нас голова!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.